

Маргарита Хазанова

Феминитивы в современном украинском языке: норма и узус глазами носителей

В ситуации фактической полилингвальности украинского общества и явной тенденции к украинизации особый интерес вызывают периферийные явления украинского языка (как например феминитивы) и мнение носителей языка по вопросу их естественности для украинского языка и необходимости их употребления. Дискуссии по вопросу языковых фактов часты на публичных площадках, а мнения высказываются диаметрально противоположные. Тем не менее очевиден как интерес к языковой рефлексии носителей украинского языка, так и желание формировать языковой вкус как со стороны специалистов, так и со стороны самих носителей.

Ключевые слова: украинский язык, феминитивы, языковая рефлексия, интернет-коммуникация

После возникновения независимого украинского государства украинский язык оказался в новых для себя условиях: он стал единственным государственным языком, языковая политика Украины теперь носит выраженный характер украинизации, что видно как по законодательным решениям, так и по динамике рынка печатной продукции. В ситуации фактической полилингвальности на Украине заметна ясная тенденция по вытеснению русского языка из сферы публичного узуса и сокращению его применения.

Новый статус языка нашел отклик и в обществе, вызвав многочисленные дискуссии о том, каким должно быть развитие украинского языка и что вообще ему действительно присуще. В подобных обсуждениях принимали и принимают до сих пор участие как специалисты, так и обычные неравнодушные к языку носители, а местом проведения таких обсуждений становится пространство массовой коммуникации: от телевидения до Интернета.

В целом, влияние СМИ на языковую практику вряд ли можно переоценивать. Сегодня, когда прежние авторитеты языка (как школа, вуз или художественная литература) частично утратили свою значимость и подверглись демократизации наравне со всем обществом, именно речь телевидения или газеты (как на традиционных носителях, так и средствами компьютерно-опосредованной коммуникации) «задает тон», служит ориентиром для носителей, рефлексирующих над своим языком.

Предметом дискуссий становятся самые разные аспекты бытования украинского языка: от его истории до лексического и грамматического строя. Обсуждается, на что должно носителям ориентироваться в вопросах освоения заимствований, создания новых единиц номинации, чтобы адекватно отражать вновь возникающие реалии, в какой мере диалектный узус может быть использован для обогащения языка и т.д. Центральное место в подобных обсуждениях занимают вопросы, что же исконно присуще украинскому языку, а что является влиянием близкородственного русского.

В настоящей статье речь пойдет об одном ярком языковом факте, на примере которого ясно видна динамика современного украинского узуса, а именно о феминитивах, т.е. о лексемах, служащих для называния женщин как представительниц разных сфер деятельности, будь то профессия, хобби, идеологическая позиция и т.д. Данные единицы широко пропагандируются в СМИ и научной литературе, однако необходимо не только указать, каков их постулируемый статус – важно также сопоставить заявляемые свойства языкового феномена с восприятием носителями украинского языка, т.е. представить картину языковой рефлексии над феминитивами.

В научной литературе процесс образования феминитивов считается весьма продуктивным. Так, у Александра Пономарива читаем: «Процесс образования от существительных мужского рода наименований женского рода довольно продуктивный. Слова “авторка”, “аспірантка”, “кореспондентка”, “журналістка”, “контролерка”, “лекторка”, “редакторка” и другие, зафиксированные в словарях, вполне соответствуют языковой норме. Следовательно, их можно и нужно употреблять: “перед мікрофоном журналістка Леся Чорна”, “ваша кореспондентка взялася перевірити ці факти”; “Софія Русова – історик, педагог, письменниця, викладачка, громадська діячка” и т.д.» (Пономарів 1999: 164). И хотя автор отмечает, что есть некоторые стилистические ограничения на употребление подобных единиц, они вполне регулярно образуются и имеют право на активное употребление.

Иван Выхованец и Екатерина Городенская замечают, что наличие регулярных пар существительных, противопоставленных по роду (со значением соответствующего пола) является довольно примечательной чертой современного украинского языка. Причем, исследователи отмечают, что формально закрепленная норма отстает от узуса (не все подобные формы отражены в словарях), но в живом употреблении эти формы тяготеют к регулярности использования (Вихованец, Городенська 2004: 91).

Более того, в работах исследователей можно встретить не просто сухую констатацию актуальности данной тенденции, но и ее прямую позитивную оценку. Саму же тенденцию объясняют влиянием нескольких факторов: «демократизация общественной жизни, национально-языковой пуризм и влияние идей феминистской, или гендерной, лингвистики», причем последний называется наименее значимым (Тараненко 2005: 22.).

Весьма кстати можно процитировать исследовательницу феминитивов А.М. Архангельскую, которая прямо говорит, что «в то время, когда либеральное общество предоставило носителю языка “максимальное количество” свободы в выборе слов и выражений, которые ему больше по душе, языковеды не должны стоять в стороне и молча наблюдать процесс демократического общенародного выбора между *-тичками*, *-ложками* та *-телициями* (пускай, мол, народ самоутверждается!), но и оценивать и по возможности влиять на результат такого выбора» (Архангельська 2013: 27–28.).

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что украинское научное сообщество монолитно в позитивной оценке тенденции к образованию и употреблению феминитивов. Так, «в некоторых случаях соотношение “название лица мужского пола” – “название лица женского пола” не имеет регулярного, обязательного характера, поскольку значительную часть существительных в форме мужского рода используют для обозначения лиц как мужского, так и женского пола, например, многочисленные названия по профессии, поэтому соответствующие существительные выступают, прежде всего, как обобщенные личные наименования» (Грищенко 1997: 331). Также исследователи отмечают, что не все новообразования достаточно благозвучны и удобны для использования (Авраменко 2016: 148).

Тем не менее можно утверждать, что тенденция образования феминитивов отмечена в современной украинской лингвистической мысли и оценена в целом положительно с описанием самых распространенных способов образования подобных форм.

Но мнение лингвистов – это только одно из измерений языковой рефлексии. Как уже было сказано выше, ведущую роль в воспитании «языкового вкуса» у носителей играют СМИ, а значит, даже больше чем мнение специалистов, интересна позиция работников сферы масс-медиа.

Когда речь заходит о феминитивах, часто высказывается мнение, что, поскольку язык изменчив, возникающие новые явления жизни должны быть каким-то образом названы. Именно таким явлением может считаться все возрастающая роль женщины в социуме, которая все активнее выполняет те функции, которые прежде были для нее ограниченно доступны. И именно в этом случае актуализируются феминитивы, которые позволяют создавать регулярные пары соотносимых лексем со значением «мужчины и женщины по их отношению к некоторой сфере общественной деятельности». Так звучат доводы в пользу правомочности функционирования феминитивов. При этом, украинская ситуация сравнивается с таковой в России и отмечается их принципиальное отличие:

«А вот в соседней России все наоборот. Пока активистки ведут разъяснительную работу с обществом о важности феминитивов, в государственных университетах запрещают употреблять слово “студентка” в документах. В Волгоградском университете это привело к

интересным приказам типа “предоставить студенту государственный отпуск по беременности и родам”»¹.

Таким образом, можно утверждать, что в защиту употребления феминитивов звучат два довода: 1) они отражают общественные изменения; 2) они соответствуют пуристическому взгляду на развитие украинского языка.

Приведем еще один пример:

«Права людини – права кожного!» Что не так с этим утверждением? Не видите ли вы очевидной грамматической ошибки, где существительное женского рода “людина” сочетается с местоимением мужского рода “кожний”»²?

И далее автор рассказывает, как натолкнулась на негативную реакцию руководства, когда старательно использовала гендерно-чувствительные наименования для работающих женщин.

«Повоевав с моими аргументами и примерами из академических изысканий в области филологии по вопросу образования и употребления феминитивов, все существительные женского рода исправили и прислали мне с припиской “В дальнейшем только так”. Итак, согласно моим пресс-релизам, на наших мероприятиях выступали исключительно мужчины с женскими именами, иначе о них и не скажешь»³.

Таким образом, рефлексия по поводу языкового вопроса оказывается проявлением определенной идеологической позиции, в рамках которой употребление феминитивов становится проявлением гендерно-чувствительной речи, и все это связывается с движением за равноправие полов и борьбу с дискриминацией.

При этом было бы неверно утверждать, что СМИ однозначно встают на сторону феминитивов. Так, главный редактор издания «Твоє місто. Чернівці» Кристина Гаврилюк отмечает, что «после того, как я сотрудничала с общеукраинскими медиа и читала преимущественно их, употреблять феминитивы представляется мне органичным. Однако аудитория и журналисты и журналистки локальных медиа этому удивляются. То есть на одном и том же языке мы сохраняем признаки патриархальности и избавляемся от них. Нет смысла проводить редакционные совещания, где редакторы прикажут писать с феминитивами. Авторы должны осознавать, что, когда мы рассказываем истории, где женщина является ньюзмейкеркой или героиней, мы

¹ Ляшенко, В. Фемінітиви: жіноча примха чи мовна норма? *Чесні новини*. 27.12.2016. Доступен на 01.09.2018: <http://cheline.com.ua/blogi/feminitivi-zhinocha-primha-chi-movna-norma-49322>

² Лисиця, З. «Депутатка» чи «жінка-депутат»? Що обирають наші ЗМІ? *detector.media*. 16.03.2016. Доступен на 01.09.2018: <http://detector.media/infospace/article/113571/2016-03-16-deputatka-chi-zhinka-deputat-shcho-obirayut-nashi-zmi/>

³ Там же.

пишем о ней в женском роде, благо, он существует в нашем языке. И тогда, когда это касается профессионализма, мы оцениваем ее действия, но от этого она не перестает быть женщиной»⁴. То есть СМИ делятся на те, что не боятся новаций и идут в ногу со временем, и те, что не замечают актуальных языковых тенденций. И именно СМИ должна быть отведена роль фактора, формирующего языковую культуру, соответствующую текущим социальным изменениям:

«Феминитивы не решают вопрос институциональной дискриминации, но именно с них начинается маркирование, особенно в профессиональной сфере. Они представляют женщину в мужском дискурсе и делают ее видимой. Думаю, что медиа могут стать трендсеттерами, потому что, кроме информирования, их роль в том, чтобы формировать повестку дня и подчеркивать те или иные вещи и явления».

Последний пример интересен еще и тем, что в нем приводится мнение не просто рядового сотрудника СМИ, а мнение главного редактора, т.е. по нему можно делать некоторый вывод и о политике издания (хотя в конце цитируемой статьи и сказано, что мнение редакции может не совпадать с мнением автора статьи, было бы странно говорить, что мнение редакции не совпадает с мнением главного редактора).

В том же издании в другой статье⁵ приводятся основные аргументы, которые высказывают противники феминитивов: 1) они не присущи украинскому языку; 2) они усложняют речь; 3) они режут ухо. И затем каждый из этих доводов опровергается:

1) феминитивы занимают законное место в украинском языке:

«В украинском языке полно феминитивов, которые давно прижились, и все спокойно их используют. Просто определенные слова, касающиеся профессий, которые ранее не относились к женщинам, не употреблялись. Но на дворе 2017, и женщины могут заниматься наукой, возглавлять политические партии, воевать на фронте. Следовательно, в употреблении появились “науковиці”, “політикині” и “захисниці Вітчизни”.

Большинство феминитивов фиксируются украинскими словарями, поэтому употреблять их, согласно правилам правописания, не только хорошо, но и правильно».

⁴ Гаврилюк, Х. «Прибиральниця» – звично, а «депутатка» дивує? Чому ми пишемо з фемінітивами. *Твоє місто. Чернівці*. 20.02.2018. Доступен на 01.09.2018: http://che.tvoemisto.tv/blogs/prybyralnytsya_zvychno_a_deputatka_dyvuie_chomu_mu_pyshemo_z_feminityvamy_82744.html

⁵ Яриш, О. «Чоловік-майстриня». Чому фемінітиви можна й потрібно вживати. *Твоє місто. Чернівці*. 4.11.2017. Доступен на 01.09.2018: http://tvoemisto.tv/blogs/cholovikmaystrynya_chomu_feminityvy_mozhna_y_potribno_vzhvyaty_89555.html

2) феминитивы делают язык не просто удобным, они вносят ясность:

«Представьте, вы пришли в мастерскую, где вам нужен мастер Стельмашук. Или в юридическую контору, где работает юрист Мельник. Без феминитивов невозможно понять, какого пола эти люди, поэтому по умолчанию вы будете рассчитывать увидеть мужчин. Ведь мастер и юрист – мужского рода. Хотя мастер Стельмашук может оказаться Натальей, а юрист Мельник – Екатериной.

Некоторые предлагают, чтобы избежать такой путаницы, указывать в профессиях, что это – женщина. Например, женщина-мастер, женщина-юрист. А разве это не усложняет язык? Употреблять два слова вместо одного – объективно дольше и сложнее. И, опять же, кому в голову взбредет сказать “мужчина-мастерица”?»

3) этот аргумент опирается на субъективную оценку, а та, в свою очередь, показывает лишь частотность и привычность языкового средства:

«Чем чаще феминитивы будут звучать в повседневном обиходе – в медиа, в рекламе, просто в разговорах, тем быстрее мы к ним привыкнем, и они прекратят резать ухо».

Автор цитируемых примеров выделил эти три типа аргументов, когда читал комментарии под своим интервью с фотографом Белого дома⁶. Главной претензией к автору были упреки в том, что он позволил себе употребить слово «фотографиня».

Итак, мы подходим к третьему пункту данного беглого обзора мнений о феминитивах, а именно – к мнению рядовых носителей, которые высказывают субъективные суждения и не ставят целью воспитывать «языковой вкус» других.

Рассмотрим пример с форума⁷, где сообщение озаглавлено «Про “членкиню”, “мисткиню” і “гендер”»:

«Я в целом не против феминитивов, но надо же следить, чтоб не стать идиотом. Уж если так свербит, чтоб было соответствие женского рода, то вот набор суффиксов: -к-, -ин-, -ес-/ -ис-, -иц-: “членка” [“студентка”, “поетка” и так далее], “члениня” [“продавчиня”], “членеса” [“поетеса”, “директриса”], и наконец, “члениця” [“керівниця”], извините. А еще лучше – оставить в покое слово “член”, смирившись, что не для всех слов найдется женское соответствие. В смысле такой, чтоб куры не смеялись».

⁶ Яриш, О. «Чому не зачесали президентів волосся?» – інтерв'ю з фотографом Білого дому. *Hromadske.ua*. 29.07.2017. Доступен на 01.09.2018: <https://hromadske.ua/posts/syuzan-biddl-fotoraf-biloho-domu>

⁷ Українські словники. Про «членкиню», «мисткиню» і «гендер». Доступен на 01.09.2018: <https://r2u.org.ua/forum/viewtopic.php?t=6878#p26539>

Как видно из примера, говорящий не высказывается однозначно против феминитивов, однако замечает, что экспериментировать в этой области нужно осторожно, чтобы не насмешить людей. И все же употребление слов мужского рода как немаркированных по полу наименований кажется говорящему наиболее правильным (по крайней мере, там, где нет устоявшегося бесспорного варианта).

Другой пример из блога, где читатели обсуждают результаты опроса, проведенного Архангельской, об отношении носителей к феминитивам. Вот краткий вывод ее исследования:

«Опрос 676 респондентов показал: общественное мнение по нефеминитивам у наших соотечественников далеко от единодушного. Большинство опрошенных не видит в таких языковых обозначениях женщины необходимости и смысла; значительная часть не может сформулировать свое отношение к этому явлению».

Реакция читателей на это исследование была разной:

«1: Сухой результат при дескриптивном подходе – сторонников феминитивов среди образованных говорящих не более четверти, а около трети считают, что они унижают женщину. Важный результат получен о семантическом тождестве коррелятов. Мимоходом опровергнут распространенный “в узких кругах” стереотип о существенно разном отношении женщин и мужчин к предмету. (Единственное, жаль, нет данных о знании иностранных языков. Думается, отношение к внедрению феминитивов должно демонстрировать зависимость от владения тем же польским или немецким.) Пожалейте не меня, а тех, кто из этой четверти желает создать новую норму несмотря на устоявшееся словоупотребление».

Говорящий отмечает, что феминитивы употребляются не слишком часто, могут являться следствием интерференции с иностранным языком, и в целом то, что четверть опрошенных все же высказалась в пользу феминитивов, показывает, что они готовы идти даже против традиции и против украинского языка (т.е. против мнения большинства).

Закономерно, что другие читатели не соглашались с приведенной репликой:

«2: Вам удобно прикрываться устоявшимся словоупотреблением, которое сформировалось во времена патриархата и отражает его практику. Я уже говорила, что ваш подход чем-то напоминает демагогию русскоговорящих, которые ссылаются на право каждого разговаривать на том языке, на котором удобнее – они хотели бы сохранить устоявшуюся практику, забывая, что эта практика сложилась не в результате свободного консенсуса, а как следствие

длительной дискриминации украинского языка. <...> В обоих случаях исторически сложилась несправедливая практика, и есть те, кто хочет, чтобы она продолжалась и дальше (ибо так удобнее лично им), и те, кто желает ее изменить, даже если это будет связано со сложностями, которые неизбежно возникают при изменении устоявшихся привычек».

И тут проявляется любопытная особенность, о которой вскользь упоминалось вначале. Языковая рефлексия носителей украинского языка, даже посвященная отдельным узким вопросам, так или иначе тяготеет к включению в ход рассуждений проблемы сосуществования в украинском обществе двух близкородственных языков и связанных с этим сложностей и дискуссий.

В целом, автор второй реплики называет отказ от феминитивов ретроградством, поскольку говорящие не хотят менять устоявшихся привычек.

Далее дискуссия продолжается:

«3: Факт длительной дискриминации украинского языка может иметь много последствий. Например, у некоторых может возникать желание немедленно оттолкнуться от русского вплоть до фанатичных, обскурантных рецептов “исправления”. И жаль, что здесь вы присоединяетесь к ретроgrадам (возвращаю реплику), которые готовы некритически воспринимать эту странную идеологию изменений ради изменения.

В опросе речь идет об обобщенном общественном мнении о феминитивах. Вот оно примерно таково. Только где-то около пятой части образованных говорящих употребляют феминитивы, четверть относится благосклонно, зато противоположная треть считает их унижением, понимая семантическую нетождественность и риски, вытекающие из этой нетождественности. Эта треть, наверное, как я пробовал показать в предыдущих темах обсуждения, в отличие от вас, видит цивилизованность, справедливость и прогресс не в устаревшей ныне патриархальной дифференциации женских и мужских профессионализмов, именно такая дифференциация ведет к разобщению, а наоборот, в одинаковом названии, без выделения».

В этой реплике звучит очень важное замечание: не всегда утверждается, что именно употребление феминитивов для обозначения женщин в противовес употреблению традиционных наименований мужского рода, которые теперь трактуются узко как наименования для мужчин, является логичным способом подчеркнуть равноправие полов в языке. Другим способом может быть, наоборот, употребление традиционных наименований мужского рода как наименований, немаркированных по полу, что вообще стирает вопрос о том, какого пола обозначаемое лицо, ведь если говорят о профессионале своего дела, то пол вообще должен отходить на второй план.

Ответ показывает непримиримость этих двух позиций:

«4: Если бы вы действительно были сторонником равенства, как это декларируете, тогда женские профессионализмы вы бы воспринимали просто как соответствия мужских. Женское и мужское вы считали бы просто разными вариантами, которые в плане статусности равноценны. Однако на самом деле вы воспринимаете в патриархальном духе мужское соответствие как норму, а женское – как отклонение, отсюда и тезис о разобщении. Конечно, так воспринимаете не только вы, но вместо того, чтобы бороться с порочной практикой и пытаться хотя бы при случае выравнять частоту употребления женского и мужского соответствий, вы поддерживаете ненормальную ситуацию, когда женщина вынуждена прибегать к мужскому наименованию, чтобы ее не считали неполноценной.

Общественное мнение можно и нужно менять. Скажем, в начале 90-х украинский язык многими воспринимался как отсталый, бесперспективный и т. п. Однако для вас это означало не то, что от украинского следует отказаться, а наоборот, что следует способствовать его распространению. То же самое с феминитивами – общественное мнение по гендерным вопросам нередко демонстрирует укорененность патриархальных стереотипов, но это не значит, что с ними следует мириться. Поэтому я ориентируюсь на опыт тех обществ, которые опережают наше на пути к гендерному равенству. Поэтому дело все-таки в цивилизованности».

И снова говорящий обращается к аналогии с распространением украинского языка. Собственно, говорящие оценивают феминитивы как присущие или неприсущие украинскому языку средства и как необходимые либо ненужные языковые единицы для объективного отражения общества.

Но важно и вот еще что: говорящий прямо говорит, что «общественное мнение можно и нужно менять». Эти слова чрезвычайно созвучны позиции СМИ: не стоит ждать, когда носители сами придут к мысли, что они должны сознательно формировать свой язык. Носителей нужно подталкивать в правильном направлении.

Подведем итог. Бурное развитие украинского языка неотделимо от повышения его престижа, а подобная динамика провоцирует носителей обсуждать и оценивать происходящие в языке процессы. Поскольку оценка идет, как правило, по шкале «украинское/неукраинское», то налицо пуристические тенденции в работе над и с языком.

Одним из таких обсуждаемых аспектов бытования украинского языка являются феминитивы. Как видно из обзора, носители далеко не едины в их оценке. Защитники феминитивов утверждают, что эти лексемы полностью присущи украинскому языку и адекватно отражают состояние развития общества. Противники же, напротив, полагают их чуждыми украинскому языку, видят в них попытку искусственного изменения языка, не

соответствующую тенденциям общественного развития. Важно, что как первые, так и вторые часто апеллируют к опыту родственных языков, в первую очередь – русского, и этим сравнением показывают не близость, а различие в языках.

Литература

- Авраменко, О. (2016). *100 експрес-уроки української*. Київ. 192 с.
- Архангельська, А.М. (2013). До проблеми словотвірної фемінізації в українській мові новітньої доби: традиція і сучасність. *Мовознавство*. № 6. С. 27–40.
- Вихованець, І., Городенська, К. (2004). *Теоретична морфологія української мови*. Київ: Пульсари. 400 с.
- Грищенко, А.П. (1997). Іменник. В: *Сучасна українська літературна мова* / За ред. А.П. Грищенка. Київ. 439 с.
- Пономарів, О.Д. (1999). *Культура слова: Мовностилістичні поради*. Київ: Либідь. 240 с.
- Тараненко, О.О. (2005). Принцип андроцентризму в системі мовних координат і сучасний гендерний рух. *Мовознавство*. № 1. С. 3–25.

Femīnās formas mūsdienu ukraiņu valodā: norma un ūzuss valodas lietotāja acīm

Ukraiņu sabiedrības daudzvalodu situācijā, kad vērojama ukrainizācijas tendence, ipašu interesi rada ukraiņu valodas perifērijas parādības (piemēram, femīnās formas) un valodas lietotāju viedoklis par to, vai šīs parādības ir ukraiņu valodai dabiskas un vai to lietojums ir nepieciešams. Diskusijas par valodas faktu jautājumiem publiskajā telpā ir biežas, tiek izteikti diametrāli pretēji viedokļi. Tomēr ukraiņu valodas lietotājus interesē valodas refleksija, un gan speciālisti, gan valodas lietotāji arī vēlas attīstīt valodas gaumes izjūtu.

Feminine Forms in the Modern Ukrainian Language: The Language Standard and Usage from the Speakers' Perspective

In the situation of actual polylinguality of the Ukrainian society and a clear tendency towards ukrainization, peripheral phenomena of the Ukrainian language (such as feminine forms) and the opinion of native speakers on their naturalness for the Ukrainian language and the need for their use are of particular interest. Discussions on linguistic facts are frequent in public Ukrainian media, and speakers' opinions are diametrically opposed. Nevertheless, there is both an obvious interest of native Ukrainian speakers towards linguistic reflection and the linguists' and common speakers' desire to influence Ukrainian language 'good tone'.